12+

Евгений Ионников

Исай Казинец

Минское антифашистское подполье в рассказах его участиков

Евгений Ионников

Исай Казинец. Минское антифашистское подполье в рассказах его участиков

«Издательские решения»

Ионников Е.

Исай Казинец. Минское антифашистское подполье в рассказах его участиков / Е. Ионников — «Издательские решения»,

История Исая Казинца: создание минского подполья, арест, казнь и политическая борьба вокруг его имени в 1960–1990-е годы.

© Ионников Е.
© Издательские решения

Содержание

Из истории семейства 6
Белосток — Минск 10
Создание подполья 15
Сопротивление 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Исай Казинец
Минское антифашистское подполье в рассказах его участиков

Евгений Ионников

© Евгений Ионников, 2026

ISBN 978-5-0071-6091-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из истории семейства

8 июня 1941 года главный инженер западного отделения Белорусской конторы нефтесбыта в Белостоке Исай Павлович Казинец написал автобиографию. Ничего особенного, в ту пору такая обязанность время от времени возникала у каждого, даже невысокого ранга, руководителя. В нашем случае, однако, несколько первых строк документа ставят перед историками вопрос, ответ на который они ищут до сих пор — хотя, казалось бы, что необычного может быть в трех предложениях: «Родился в гор. Батуми в 1910 году в семье рабочего. Семья состояла из 3-х братьев и двух сестер. В 1919 г. отец умер, остались мы на изживении (так в тексте) матери, которая после смерти отца занялась прачечной и другими подсобными работами»[1]. Естественно, долгое время практически во всех исторических источниках, включая белорусские энциклопедические издания, подтверждалось указанное Исаем Казинцом место его рождения и ничем не примечательные обстоятельства смерти отца[2].

Пережившие войну старшие сын и дочь Павла Казинца, однако, излагали иную версию тех событий. Спустя несколько лет после присвоения Исаю Казинцу звания Героя Советского Союза в Минск неоднократно (первый раз в 1969 году) приезжала его старшая сестра Рахиль Павловна. Останавливалась она в семье Михаила (Моше) Цивина (была замужем за братом его матери), который впоследствии возьмет на себя смелость рассказать ставшие ему известными детали из истории их семейства. С его слов следует, что в Минске Рахиль встречалась с Иваном Новиковым[3].

Корреспондент газеты «Правда», писатель Иван Новиков еще в 1962 году издал документальную повесть «Руины стреляют в упор», в которой представил совершенно иную картину смерти главы их семейства. «Жили Казинцы в 1918 году в Геническе. На юге Украины орудовали белогвардейцы. Павел Казинец создал партизанский отряд из рабочих …. Однако… предатель выдал партизан. Однажды ночью троих схватили белые, в том числе и Павла Казинца. Их вывели за село… поставили лицом к начинающему розоветь востоку и расстреляли…»[4].

Сразу отметим, что описанные Новиковым события не могли происходить в 1918 году в районе Геническа. До апреля этого года власть там принадлежала большевикам, а с апреля по декабрь регионом формально руководил гетман Скоропадский — в условиях фактического немецкого протектората. После падения гетмана контроль над местностью на короткое время перешел к Директории УНР. С января по март 1919 года здесь господствовали войска Антанты (франко-греческий контингент), в марте состоялось возвращение советской власти, и только в августе 1919 года в Геническе утвердились войска Деникина. Как видно из сказанного, Павел Казинец мог участвовать в партизанском движении против белогвардейцев только после этой даты.

В 1972 году старший сын Павла Казинца, Михаил, по просьбе сотрудников Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны написал биографию своего младшего брата Исая. Процитируем интересующий нас фрагмент этого документа: «Наша семья, состоявшая из отца Казинец Павла Хаимовича (по национальности еврей), матери Казинец Анны Исаевны, пятерых детей, проживала до 1920 года в городе Геническе. Отец— рабо-

---

[1] Автобиография Казинец Исая Павловича. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1. Д. 202, Л. 1

[2] См., например: Беларуская Савецкая энцыклапедыя. Т. 5. — Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, Мн., 1972. 616 стар. С. 228; Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. Т. 7 / Рэдкал. Г. П. Пашкоў і інш. — Мн.: БелЭн, 1998, 608 стар. С. 427

[3] Цивин М. Казинец Исай: герой антифашистского подполья в Минске // Историческая мастерская в Минске.

[4] Новиков И. Г. Руины стреляют в упор: Док. повесть / Авториз. пер. с белорус. Е. Мозолькова. — Москва: Сов. писатель, 1963, с. 181

чий-жестянщик. В 1919 году летом отец был зверски убит белогвардейцами, как большевик, по доносу кулака»[5].

Таким образом, перед исследователями неизбежно встаёт вопрос: была ли реальной история, описанная Иваном Новиковым, или же рассказ о гибели Павла Казинца под Геническом был им придуман для возвеличивания его образа, а Михаил и Рахиль лишь поддержали впоследствии предложенную им версию героизации отца?

Современные исследования по-разному пытаются разрешить обнаруженное противоречие, в том числе имеются случаи его полного или частичного игнорирования. Например, энциклопедия 1981 года издания (Тбилиси) указывает на Геническ как место рождения Исая Павловича Казинца и гибели его отца от рук белогвардейцев[6]. Московский энциклопедический словарь «Герои Советского Союза» (Воениздат, 1987) также подтверждает факт его рождения в Геническе (при этом ошибочно утверждая, что этот город был переименован в Херсон), однако о гибели отца сведений не приводит[7]. В энциклопедии «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне» говорится, что Исай Казинец родился в Батуми, но не упоминается об истории со смертью его отца[8].

Посвятившая многие годы исследованию истории Минского подполья, сотрудник партархива при Институте истории партии Вера Сафроновна Давыдова также называет Батуми местом рождения героя нашего повествования. При этом в своей статье, ставшей в свое время эталонной, она излагает историю гибели командира партизанского отряда Павла Казинца от сабель белогвардейцев на юге страны, но без упоминания Геническа[9]. Эти же сведения автор повторяет в диссертации[10].

Содержащаяся на сайте Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны информация (явно та, от Михаила Казинца) в пересказе одного из сотрудников музея, наоборот, подтверждает версию рождения Исая Казинца в Геническе, но умалчивает об обстоятельствах и месте гибели его отца[11].

Недавно была озвучена также версия о том, что Геническ в этой истории мог возникнуть случайно — там обитала другая семья Казинцов, глава которой погиб от белогвардейцев[12]. Возможность их переезда из Батуми в Геническ после рождения Исая и последовавшее вслед за гибелью главы семейства возвращение в Грузию исследователями не рассматривается.

Не станем гадать о причинах данного противоречия и мы, так как недостаток информации не позволяет прийти к однозначному выводу. Отметим лишь следующее.

Мы не видим оснований, которые бы вынуждали главного инженера вновь организованного предприятия на недавно присоединенных к БССР территориях скрывать в июне 1941 года место своего рождения и героическое прошлое отца. Основное требование, которое предъявлялись в те времена к таким формальным документам, как автобиография, было следующее — писать правду, и Исай Казинец безусловно придерживался этого правила. Свое жизнеописание он заканчивает довольно неприятным для карьеры абзацем: «В Турции имею родственников. Степень родства заключается: сестра моей матери с мужем, который имеет специаль-

---

[5] Шумак Н. И. Исай Павлович (Пинцухович) Казинец. Герой Советского Союза из Генического района.

[6] Герои Советского Союза из Грузии. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1981., с. 173 — 174

[7] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 1, с. 606

[8] Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941 — 1945: Энцыкл./Беларус. Сав. Энцыкл.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. — Мн.: БелСЭ, 1990, с. 233

[9] Давыдова В. С. В битве за Отечество // Герои подполья. М., 1965, с. 19

[10] Давыдова В. С. Подпольная партийная организация Минска в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в первый период Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. Минск, 1968. Для служебного пользования. НАРБ, Ф. 1440, Оп. 8, Д. 24, Л. 73

[11] Сугойдь-Зубович Е. В. Герой Советского Союза Казинец Исай Павлович.

[12] Плавинский А. С. Подпольщики без грифа «секретно». Мн., 2015, с. 40

ность портного — глухонемой. Выехали они из Батуми в 1921 году. В 1928 году мать получила письмо, в котором коротко было сообщено о том, что ее сестра оставила семью. Больше никаких сведений о них не имеем»[13]. Героическая гибель отца в связи со сказанным безусловно была бы упомянута Исаем Казинцом в автобиографии — но только в том случае, если бы имела место в действительности.

***

После смерти Павла Казинца семейство бедствовало. На попечении вдовы Анны осталось пятеро детей — две дочери (Рахиль и Нина) и три сына: старший Михаил Казинец, средний сын Исай и младший Борис[14]. Анна происходила из зажиточной семьи, была женщиной грамотной, владела несколькими иностранными языками, включая английский. В Батуми ей удалось устроиться на работу в детский приют — сначала уборщицей, а позже её перевели в воспитательницы. Туда же она определила и детей.

Окончив первую ступень (4 класса) еврейской школы, Исай вынужден был пойти работать. В 1926 году старший брат Михаил устроил его на Батумскую нефтебазу. Сначала он работал там учеником дизелиста, а потом, освоив эту профессию, стал работать самостоятельно. Учебу продолжал в вечерней школе рабочей молодёжи (преподавание велось на русском языке). В 1932 году предприятие направило его в Саратовский техникум нефтескладского хозяйства, который он и окончил в 1935 году[15].

Исай Казинец в Батуми. Физкультурник. 1931 г. Фото из фондов НА РБ

Вот что о его молодости рассказала старшая сестра Исая Рахиль: У него были необыкновенно умелые руки, и не только в своём ремесле. Он умел готовить, сам штопал себе носки, не гнушался никакой домашней работы. При всём этом он прямо-таки культивировал в себе физическое совершенство. Исай увлекался боксом, борьбой, был прекрасным пловцом, утро всегда начинал с зарядки. После этого стрелой мчался к морю, где купался круглый год… Высокий, могучего сложения, он казался железным, наш Исай, и очень гордился этим, по существу готовил себя к предстоящим жизненным испытаниям[16]. (При этом он много курил — почти на всех сохранившихся фотографиях Исай Казинец запечатлен с папиросой).

[13] Автобиография Казинец Исая Павловича. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1. Д. 202, Л. 2

[14] Моше Цивин. Казинец Исай. Герой антифашистского подполья в Минске. с. 2

[15] Автобиография Казинец Исая Павловича. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1. Д. 202, Л. 1

[16] Моше Цивин. Казинец Исай. Герой антифашистского подполья в Минске. с. 2

После окончания техникума его распределили в Калинин, в областной конторе Главнефтесбыта он занял должность техника. Проработал там он недолго. В том же 1935 году Казинца призвали в армию. Служить попал в г. Ново-Борисов (БССР, вероятно, Печи) в автобронетанковую часть, после «учебки» получил должность командира танка, а потом и помкомвзвода[17]. В этой связи перед демобилизацией из РККА ему было присвоено введенное Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР №1296 от 05.08.1937 г.[18] звание младшего лейтенанта[19].

После армии Казинца направили в Сормово, где он возглавил механическую мастерскую при местной базе Главнефтесбыта, там же в 1938 году вступил в партию. Затем с повышением был переведен в Горький — назначен заместителем главного инженера областной конторы нефтесбыта. В 1940 году по распоряжению Главка его направили в Белосток на должность главного инженера западного отделения Белглавнефтесбыта[20].

Отдельные источники сообщают, что Исай в 1936 году окончил Киевский нефтяной институт[21]. Это, вероятнее всего, ошибочное утверждение. В довоенный период в Киеве не было такого института, к тому же приведенная выше хронология не оставляет места для его четырех — пятилетнего обучения в любом другом городе, а получить образование заочно, как об этом говорится в Грузинской энциклопедии[22] было весьма проблематично — до 1938 года такая форма обучения в ВУЗах СССР носила весьма ограниченный характер — она развивалась при отсутствии единых правил приема, сроков обучения и учебных планов[23].

Принимавший его на работу в Минске управляющий Белорусской конторой Главнефтесбыта Константин Денисович Григорьев, кстати, в своих воспоминаниях послевоенной поры поведал, что во время первой их встречи у него в кабинете Исай Казинец рассказал ему историю о героической гибели отца от белогвардейских штыков в 1919 году на юге Украины (вероятно, в Геническе)[24]. Впрочем, ко времени публикации сборника мемуаров белорусских партизан и подпольщиков (1970 год) много переживший Константин Денисович вполне мог вложить в уста Казинца становившуюся распространенной версию событий, связанных с гибелью его отца — начитавшись Новикова, Григорьев мог поддаться соблазну героизации всего, что так или иначе было связано с Исаем Павловичем Казинцом.

[17] Автобиография Казинец Исая Павловича. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1. Д. 202, Л. 1

[18] Постановление ЦИК и Совнаркома СССР №1296 от 05.08.1937 г.

[19] Личный листок по учету кадров. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1. Д. 202, Л. 7

[20] Автобиография Казинец Исая Павловича. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1. Д. 202, Л. 1

[21] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 1, с. 606.

[22] .Герои Советского Союза из Грузии, с. 173

[23] Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 29 августа 1938 года №943…

[24] Григорьев Константин. Коммунисты, вперед. // Сквозь огонь и смерть. Мн., 1970, с. 49

Белосток — Минск

В Белостоке Казинец проработал меньше года. В структуре западного отделения Белорусской конторы нефтесбыта находилась нефтебаза, ответственность за функционирование которой и лежала на главном инженере. Ко всему прочему, в скором времени его избрали секретарем первичной партийной организации предприятия[25], так что времени на семью у него практически не оставалось. Тем не менее, как сообщает Моше (Михаил) Цивин, вскоре после обустройства в Белостоке он вызвал из Батуми жену Валентину (его однокурсница по Саратовскому техникуму) с дочерью и мать.

Анна Казинец приехала в Белосток тоже не одна, а с внуком — девятилетним сыном младшей дочери Нины, племянником Исая. Мальчика звали Неджат, его отец, аджарец, в 1937 году был репрессирован; мать мальчика, сестру Исая Нину, выслали из Батуми. Сразу после тех событий Исай Казинец усыновил Неджата и поменял ему имя — назвал в честь деда Павлом[26].

22 июня немцы бомбили город, но, по некоторым сведениям, нефтебазу не трогали. На второй день войны были перерезаны ведущие на восток дороги. Руководство областного отделения нефтесбыта сумело едва ли не последним эшелоном (по другим сведениям, автомашинами[27]) отправить на восток семьи сотрудников. Активно участвовавший в их эвакуации Исай Казинец отправил в тыл и своих — беременную жену с дочерью и мать с племянником Неджатом (Павлом). Прощаясь с ними, он убедил их добираться до Алма-Аты — там жил остававшийся старшим мужчиной в семействе Михаил. У него незадолго до этого скончалась жена, сам Михаил Казинец с началом войны подлежал мобилизации, его детям (Миша и Павел) грозил, вероятно, детдом.

Собравшееся в Алма-Ате семейство, по рассказам соседей, нуждалось в самом необходимом. Не все пережили войну. Мать Исая Казинца и его дети умерли (двухлетняя дочь Алла от недоедания, младший сын, вероятно, при рождении[28] — его имени не называют даже родственники). Племянник Исая Казинца Неджат (Павел) уцелел. Он подрос и ходил по соседям, побирался, впрочем, многие его и по доброте своей подкармливали. Позже жена Казинца Валентина отправила его в Батуми, в семью к старшей сестре Исая Рахили.

Дети Михаила Казинца были постарше Неджата, могли подрабатывать и дождались возвращения отца. Он до окончания войны служил в Иране в воинской части, которая занималась охраной южной границы СССР — точнее говоря, обеспечивала на территории Ирана американские поставки по Ленд-лизу. Младший брат Исая и Михаила Борис погиб на фронте.

Жена Исая Казинца Валентина узнала о гибели мужа уже после войны. Время спустя она вторично вышла замуж, но не забывала об Исае, в ее квартире висел его портрет[29]. По некоторым данным, в семье Казинцов ставили ей в упрек гибель свекрови и собственных ее детей — могла, но не спасла (тратила на себя присылаемые из Батуми Рахилью небольшие деньги)[30].

Константин Григорьев в воспоминаниях 1962 года пишет, что в ночь на 25 июня Казинец, измученный, пришел в Минск, ночевал у него, а утром они расстались — первый отправился к

---

[25] Давыдова В. С. Подпольная партийная организация Минска… НАРБ, Ф. 1440, Оп. 8, Д. 24, Л. 73

[26] Моше Цивин. Казинец Исай. Герой антифашистского подполья в Минске. с. 1]

[27] Письмо бывшего члена Минского городского подпольного комитета КП (б) Б Григорьева К. Д. в Комитет партийного контроля ЦК КПСС по вопросу о Минском партийном подполье. (копия). НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 77, Л. 2

[28] Зуборев Л. И. Пророчество Казинца, с. 157

[29] Цивин Моше. Казинец Исай. Герой антифашистского подполья в Минске, с. 1 — 2, с. 4

[30] Зуборев Л. И. Пророчество Казинца, с. 154

себе в контору, а второй на поиски эшелона с эвакуированными из Белостока семьями[31]. Это, конечно, ошибочное утверждение, их встреча не могла состояться в обозначенные Григорьевым сроки. Исай Казинец оставался в Белостоке почти до его сдачи немцам, состоявшейся 27 июня. Моше Цивин сообщает, что он получил приказание взорвать нефтебазу[32], точнее говоря — участвовать в организации взрыва, взрывали ее саперы. По некоторым сведениям, им удалось это сделать, взрыв состоялся, об этом, в частности, упоминает Леонид Зуборев[33], однако документальных подтверждений сказанному нами не найдено.

Исследовавший тему историк и архивист Евгений Барановский полагает, что Казинец пришел в Минск в первых числах июля 1941 года[34]. До Минска он добирался пешком, в потоке беженцев, изредка — попутным транспортом, вместе с давним знакомым (однокурсником по Саратовскому техникуму) Вячеславом Юрыгиным, но тот на второй или третий день пути погиб под бомбежкой. В оккупированном Минске Исай Казинец некоторое время будет жить с его паспортом и будет пользоваться его именем в качестве подпольной клички — Славка[35].

В те же дни в дороге он познакомился с майором Георгием Семеновым — работником политотдела одного из воинских подразделений, отступавших на восток. (Так о Семенове писал Константин Григорьев[36]; архивные документы, однако, свидетельствуют, что по состоянию на 1938 г. Семенов находился в запасе и имел звание техника-интенданта 2 ранга (соответствовало старшему лейтенанту); в 1940 году был призван в РККА и занимал должность начфина одной из расквартированных в Августове Белостокской области воинских частей[37]). У Семенова в Минске были родственники и знакомые. На случай возможной встречи в будущем он дал Казинцу их адреса[38].

На первом допросе в НКВД, состоявшемся 23 июля 1944 года, Константин Григорьев говорил, что после неудачной попытки эвакуации он с семьей вернулся в Минск 5 июля 1941 года[39]. Казинец к тому времени был уже в городе, но явно ненамного опередил своего довоенного начальника. В Минске у него было мало знакомых. Семья Константина Григорьева и Елена (Леля) Ревинская, с которой он сблизился еще до войны — этим, вероятно, и ограничивался их круг. Не застав Григорьевых, он поселился у Ревинской, а на случай встречи с Григорьевым оставил для него сообщение (углем на стене его полуразрушенного бомбой дома) с указанием адреса своего места жительства в оккупированном городе: улица Берсона, дом №12-а. Этот дом принадлежал Елене Ревинской, дочери композитора Николая Ровенского[40] (Равенского). Расхождение в написании фамилий отца и дочери, вероятно, носило формальный характер. Оно объяснялось либо ошибкой, допущенной при оформлении паспорта женщины, либо позднейшими попытками оградить подпольщицу от ассоциаций с «неудобным» отцом-националистом.[41].

---

[31] Минский подпольный комитет. Воспоминания члена Минского городского подпольного комитета К. Д. Григорьева об И. П. Казинце и подготовке Минского восстания. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 156, Л. 6 — Л. 7

[32] Цивин Моше. Казинец Исай. Герой антифашистского подполья в Минске. с. 4]

[33] Зуборев Л. И. Пророчество Казинца, с. 57 — 58

[34] Барановский Евгений. Правда и домыслы об участнике антифашистского сопротивления в… И. К. Ковалеве.

[35] Григорьева. Людмила Я знала Казинца.

[36] Письмо Григорьева К. Д. в Комитет партийного контроля ЦК КПСС по вопросу о Минском партийном подполье. (копия). НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 77, Л. 2

[37] Копия учетной карточки МО СССР Семенова Георгия Миновича. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1. Д. 130, Л. 7

[38] Письмо бывшего члена Минского городского подпольного комитета КП (б) Б Григорьева К. Д. в Комитет партийного… НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 77, Л. 2

[39] .Протокол допроса Григорьева Константина Денисовича от 23 июня 1944 г. (Так в тексте, правильно «23 июля 1944 года»). НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 28

[40] Николай Ровенский. Биография

[41] Как сложились судьбы детей видных деятелей БНР

Первую встречу с ним в оккупированном городе Константин Григорьев описывает весьма подробно (о присущих его послевоенным воспоминаниям неточностях мы будем упоминать по ходу дальнейшего повествования).

На улицу Берсона за Казинцом он отправил свою жену Кашичкину Людмилу Михайловну. Обнаружив свой дом разбомбленным, Григорьевы поселились у Громыко Дарьи Прокофьевны (няня их дочери) по Койдановскому тракту, 58[42] (прежнее название улицы Чкалова). Туда Людмила Михайловна и привела Казинца. Тот был хорошо одет (Леонид Зуборев полагает, что Ревинская отдала ему гардероб мужа[43]) и чисто выбрит. В беседе с ним Григорьев выяснил, что Казинец установил связь с еврейским гетто и оказывал помощь его обитателям — однажды он заговорил с женщинами из рабочей колонны[44], те сетовали, что на работу их водят по улицам, на которых невозможно купить продукты и лекарства. (Исследовавшая тему минского гетто Клара Хеккер пишет, что евреям в Минске запрещалось покупать в магазинах продукты питания[45]). Казинец вызвался помочь оказавшимся в беде людям. Возможно, от безысходности, они поверили незнакомцу, что привело к своеобразному сотрудничеству: утром по пути в город узницы гетто снабжали Казинца деньгами, при возвращении колонны в лагерь он передавал им необходимые в их положении вещи.

Свою встречу с Казинцом Григорьев датирует первыми днями июля[46]. Упомянутые выше детали его разговора с Казинцом, однако, не подтверждают этого. Приказ немецкого коменданта города о создании гетто в Минске вышел 20 числа этого месяца[47], переселение туда еврейского населения завершилось лишь к 1 августа[48], а рабочие колонны из еврейских кварталов в городе можно было увидеть и того позже.

Вольная или невольная ошибка Григорьева не отменяет, однако, факта контактов Казинца с гетто, но, как это видно из сказанного, они могли состояться не ранее августа. На первых порах его связи с обитателями лагеря явно ограничивались актами гуманитарного характера, но это в скором времени перестало удовлетворять Казинца.

Как показал Константин Григорьев на первом своем допросе в НКГБ БССР, в августе 1941 года он «…связался путем встреч, иногда случайных, с рядом знакомых… коммунистов, оставшихся проживать в оккупированном гор. Минске». Довольно часто они собирались в квартире его подчиненного довоенной поры Вячеслава Никифорова, проживавшего по Червенскому тракту в доме №75. На одном из таких собраний в середине августа 1941 года по предложению Казинца была организационно оформлена инициативная группа[49] по оказанию помощи советским людям. В числе участников группы он называет, естественно, себя, Исая Казинца, Вячеслава (Вацлава) Никифорова и попутчика Казинца по бегству из Белостока Георгия Семенова.

Руководство группой было возложено на Григорьева, вероятнее всего, по старшинству — как по возрасту, так и по довоенному положению он был старше Казинца и Никифорова[50], а Георгий Семенов был среди них чужаком и не мог претендовать на лидерство.

---

[42] Письмо… Григорьева К. Д. в Комитет партийного контроля ЦК КПСС 25 апреля 1958 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 77, Л. 1 — 2

[43] Зуборев Л. И. Пророчество Казинца, с. 67

[44] Под рабочей колонной гетто, судя по всему, нужно понимать постоянную производственную единицу, а не лиц, подобраных случайным образом для передвижения

[45] Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. — Мн.: 2007, с. 45

[46] Письмо бывш. члена Минского городского подпольного комитета КП (б) Б Григорьева К. Д. в Комитет партийного контроля… НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 77, Л. 2 — Л. 3

[47] Распоряжение полевой комендатуры в г. Минске о создании гетто в Минске. НАРБ, Ф. 1440, Оп. 3, Д. 974, Л. 51 — 52

[48] Кнатько Г. Д. Гибель Минского Гетто. — Минск, 1999. — с. 9

[49] Протокол допроса Григорьева Константина Денисовича от 23 июля 1944 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 29

[50] Письмо Григорьева К. Д. в Комитет партийного контроля. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 77, Л. 3.

О Георгии Семенове известно немного. Григорьев его место в группе определял довольно неопределенно, на допросе в июле 1944 года он даже заявил следователю, что не знает имени Семенова — назвал только его фамилию и кличку — «Жук»[51]. (На допросе, состоявшемся 6 сентября 1944 года, он, правда, «вспомнил» и назвал его имя — Жорж[52] (Георгий)). О подпольной деятельности Семенова также имеются лишь отрывочные сведения. Связанная с подпольной организацией военных (Военный совет партизанского движения — ВСПД) Лидия Драгун, перечисляя в своих воспоминаниях знакомых ей участников сопротивления, упомянула проживавшего на улице Луговой в доме номер 5 Жоржа, который «принимал сводки Совинформбюро[53]». Ряд свидетельств указывает на то, что и другие подпольщики «слушали радио» по этому адресу (например, послевоенные свидетельства Ивана Тимчука[54] и Василия Сайчика[55]).

Из сохранившихся архивных документов известно, что Семенов Георгий Минович родился в 1908 году в городе Минске в семье железнодорожника; мать не работала, была домохозяйкой. Окончив в 1927 году среднюю школу, проживал с родителями в Руденске, там он уже работал — пионервожатым в школе. В 1929 году был призван в армию, но служить на этот раз ему не пришлось, он был зачислен командиром запаса. В 1930 году его отца перевели в Слуцк, где все их семейство и проживало до 1940 года. В Слуцке Георгий работал заведующим бухгалтерскими курсами, инспектором в Райфинотделе и, что немаловажно, совмещал гражданскую службу с сотрудничеством с органами НКВД. В 1937 году он получил должность контролера в Слуцком Горсовете и занимал ее до 1940 года. По неизвестной причине его контакты с органами в том же 1937 году прекратились.

Георгий Семенов был женат на Александре Федоровне Николаевой, но она умерла в 1938 году от туберкулеза[56].

Работавшая с ней на фабрике им. Крупской Екельчик Ревека Кушелевна (в годы войны — подпольщица, партизанка) вспоминала, как, навещая с подругами в 1938 году Николаеву в тубинституте по ул. Интернациональной, часто встречала там ее мужа Жоржа Семенова — и, вопреки сказанному выше, — всегда в форме работника НКВД[57].

Сын Семеновых Валерий все военные годы проживал с бабушкой (матерью Георгия) Семеновой Марией Яковлевной в Минске по улице Луговой, дом №5.

Вторично он был призван в армию в 1940 году, о знакомстве его с Казинцом во время отступления из Белостока мы рассказали выше. После неудачной попытки выйти за линию фронта он вернулся в Минск[58].

Надежной информации о Вячеславе Никифорове имеется также немного. Статья в энциклопедии «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне» посвятила ему лишь несколько малоинформативных строк[59], а его автобиографии (в отличие от Исая Казинца) или составленной кем-то из родственников воспоминаний (как это было в случае с Семеновым) в НАРБ не сохрани-

---

[51] Протокол допроса Григорьева Константина Денисовича от 23 июля 1944 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 29

[52] Протокол допроса Григорьева Константина Денисовича от 6 сентября 1944 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 205, Л. 209

[53] Драгун Лидия. Что я знаю о подпольно-партийной группе, которая начала свою деятельность в августе — сентябре 1941 г. в г. Минске, р-н Комаровки. Воспоминания. 1944 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 106, Л. 49

[54] Тимчук Иван Матвеевич, «Вместе с соратниками»: «С. И. Заяц отвел меня к сестре его жены Лидии Павловне Воронковой, проживавшей с родителями по улице Луговой, 5»

[55] Сайчик Василий Иванович: «…один военный из деревни Столовой (улица Луговая лежала в нескольких десятках метров от д. Столовой) имел радиоприемник и мы ходили туда слушать сводки Совинформбюро». Стенограмма заседаний комиссии ЦК КПБ по Минскому партийному подполью. Выступление Сайчика В. И. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 75, Л. 292

[56] Материалы по уточнению биографии члена Минского городского подпольного комитета Семенова Г. М. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 130, Л.2

[57] Воспоминания Ревекки Кушелевны Екельчик. НАРБ, Ф. 1440, оп. 3, Д. 837, Л. 47

[58] Материалы по уточнению биографии члена Минского городского подпольного комитета Семенова Г. М. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 130, Л.2

[59] Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941 — 1945: Энцыкл. — Мн., 1990. — с. 383

лось. Пробел частично восполняет характеристика из приложения к справке ИИП при ЦК КПБ «О Минском коммунистическом подполье» (составлена не позднее декабря 1959 года). Из неё следует, что Никифоров родился в 1909 году в семье железнодорожников, русский, имел среднее образование. С 1927 года работал весовщиком на станциях Михановичи и Минск. После службы в армии (1931—1932) и недолгой работы инструктором в институте профдвижения вернулся на железную дорогу. С 1934 года и до начала войны трудился в Главнефтесбыте, последняя его должность в этой конторе — инспектор объездных путей. В феврале 1939 г. Никифоров вступил в партию, вернее, получил кандидатскую карточку члена ВКП (б)[60]. Константин Григорьев в неопубликованных воспоминаниях 1962 года называл Никифорова беспартийным, а также упоминал, что тот в первые недели оккупации неведомо где пропадал целыми днями — как выяснилось позже, разыскивал свою первую любовь, пропавшую в начале войны[61].

Состав инициативной группы, скорее всего, ограничивался перечисленной выше четверкой. К работе были привлечены (в качестве связных) жена Григорьева Людмила Кашичкина и сожительница Исая Казинца Елена Ревинская (Леля Равинская)[62] — но это, скорее, в силу совместного проживания — во многих случаях участники сопротивления состояли в подполье семьями[63].

После войны, правда, Григорьев упомянул еще нескольких человек, через которых их инициативная группа поддерживала связи на предприятиях города. Среди них он назвал председателя союза нефтяников Зубковского Антона, начальника спецчасти комбината Демченко и бывшего начальника милиции 1-го района Минска Ивана Лаврова — но вскользь, мимоходом, неопределенно; имени Демченко он даже не упомянул. Согласно его показаниям, Зубковский был арестован в апреле 1942 года и повешен немцами в ходе весеннего разгрома подполья, Демченко и Лавров в середине года ушли в партизанский отряд, дальнейшая их судьба Григорьеву известна не была[64].

Там же, в саду у Никифоровых, были распределены обязанности членов инициативной группы. Григорьев должен был связаться с железнодорожниками, с Комаровским лагерем военнопленных, с конторой «Заготзерно» — для вовлечения людей в сопротивление. На Семенова возлагалась обязанность слушать сводки информбюро и готовить листовки для информирования людей[65], а Никифоров отвечал за организацию типографии, которая и будет создана к началу 1942 года с участием Казинца и подпольщиков гетто. За Казинцом сохранялась обязанность поддерживать связь с узниками этого лагеря (а позже — и с возникшим в нем подпольем).

---

[60] Характеристики активных участников Минского партийного подполья (приложение к Справке «О Минском коммунистическом подполье»). НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 85, Л. 45

[61] Воспоминания К. Д. Григорьева об И. П. Казинце и подготовке Минского восстания. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 156, Л. 9

[62] Письмо Григорьева К. Д. в Комитет партийного контроля ЦК КПСС 25 апреля 1958 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 77, Л. 3.

[63] Семью Константина Григорьева в этом отношении можно отнести к исключениям — после выхода мужа из подполья, состоявшегося после его весеннего 1942 года разгрома, Людмила Кашичкина оставалась в его рядах, была арестована, прошла концлагерь и, вернувшись после победы, дождалась арестованного органами НКВД мужа.

[64] Протокол допроса Григорьева Константина Денисовича от 23 июля 1944 г. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1, Д. 105, Л. 29 — Л. 30

[65] Письмо Григорьева К. Д. в Комитет партийного контроля ЦК КПСС 25 апреля 1958 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д 77, Л. 3

Создание подполья

Инициативная группа просуществовала недолго. На допросах в НКГБ, состоявшихся сразу после освобождения Минска, Константин Григорьев показывал, что созданная в августе, в ноябре она была преобразована в городской партийный комитет (ГПК). При этом роль руководителя комитета он отводил Исаю Казинцу, а свое участие в нем сводил к рядовому членству[66]. (На поздних своих допросах Григорьев ограничивал срок существования инициативной группы августом — сентябрем 1941 года, сентябрем же датировал и ее преобразование в городской партийный комитет[67]). О причинах утраты своего лидирующего положения он умалчивал.

Впоследствии озвученную Григорьевым версию создания подпольного горкома вынуждены были корректировать даже те историки, которые взяли её за основу своих исследований. Предложенная трактовка в примитивном ее изложении не могла прижиться в научной среде. Вера Сафроновна Давыдова, вероятно, одной из первых предприняла попытку дать научную интерпретацию его утверждениям. Согласно предложенной ею концепции, подпольный горком был сформирован не путем преобразования (как у Григорьева, по сути — путем переназвания) инициативной группы «нефтяников», а в результате объединения нескольких действовавших на тот момент в городе ячеек сопротивления. В конце ноября — начале декабря 1941 года (точная дата не установлена) в доме у родителей Георгия Семенова по ул. Луговой, 5 было проведено собрание представителей нескольких таких подпольных групп (Исай Казинец, Константин Григорьев, Георгий Семенов (Инициативная группа «нефтяников»), Степан Заяц и Степан Омельянюк (Комаровка), Иосиф Степуро и Алексей Котиков (железнодорожники), Михаил Гебелев (гетто), Назарий Герасименко, Николай Герасимович, Антон Орсик и еще несколько подпольщиков).

На этом совещании было заявлено об объединении партийного подполья в городе и избран его руководящий орган. Собравшиеся, полагая, что в Минске действует законспирированный горком, оставленный руководством при отступлении, рассматривали созданную организацию в качестве резервного, дополнительного к нему партийного комитета (доппарткома). Первоначальный его состав Вера Давыдова вслед за Григорьевым ограничивала тройкой «нефтяников» (Казинец, Григорьев, Семенов), подразумевая, что лидеры других ячеек проголосовали за них, а сами были доизбраны (возможно, кооптированы) в состав комитета позже — в декабре 1941-го или даже в начале января 1942 года[68].

Некоторые детали образования доппарткома уточняет в своих свидетельствах один из руководителей подполья в гетто Григорий (Гирш) Смоляр. Зимой 1945 года он подготовил и направил в ЦК КП (б) Б отчет о деятельности созданного там подполья. Основное внимание в нем уделялось, естественно, событиям в этом лагере, но и о контактах с городским подпольем упоминалось неоднократно. (Вера Давыдова, судя по совпадениям в текстах использовала этот документ в качестве одного из источников при написании своей диссертации).

Связь с «русским» районом они поддерживали через 17-летнего Давида Герцика (псевдоним «Женька»). До войны он учился в 17-й школе на улице Мясникова[69], а в период оккупации жил вне гетто по фальшивому паспорту на русское имя. Его отец в разговоре со Смо-

---

[66] Протокол допроса Григорьева Константина Денисовича от 23 июля 1944 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 29

[67] Протокол допроса Григорьева Константина Денисовича от 12 апреля 1946 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 66 — Л. 67

[68] В. С. Давыдова. Подпольная партийная организация Минска… НАРБ, Ф. 1440, Оп. 8, Д. 24, Л. 70 — Л. 73

[69] Справка А. П. Купреевой «О состоянии и задачах исследования вопросов деятельности подпольной партийной организации Минского гетто…» НАРБ, Ф. 1440, оп. 3, Д. 1197, Л. 14

ляром однажды посетовал, что Давид «живет как не еврей „на той стороне“ и всегда носит с собой пистолет».

В беседе с юношей Смоляр выяснил, что тот со своими школьными друзьями установил в городе связь с группой взрослых, как потом оказалось, с близкими к Исаю Казинцу людьми. Смоляр дал Женьке задание: «Когда убедишься, что имеешь дело с надежными коммунистами-русскими, назначай для меня встречу с ними»[70].

После состоявшихся 7 и 20 ноября погромов в конце месяца Женька сообщил, что «городские» дали согласие на контакт[71]. Встреча состоялась за пределами гетто, неподалеку от его границы — на «русской» стороне Второго Опанского переулка, в доме на пересечении его с Обувной улицей[72].

Сбросив желтые латы, Смоляр под водительством Женьки вышел за пределы гетто[73]. Его встретили Исай Казинец (представился «Славиком»; напомним, что он использовал имя погибшего Вячеслава Юрыгина в качестве своего псевдонима), а также Константин Григорьев и Леля Ревинская.

Казинца прежде всего интересовал опыт нелегальной работы Смоляра в довоенной Польше и, в частности, вопрос об организационном устройстве подпольной организации. При этом убежденный в существовании оставленного в Минске партийными властями руководящего центра, Казинец опасался участвовать в объединении возникших к тому времени подпольных групп без его санкции. Смоляр же придерживался иного мнения: «Даже если центр существует, он узнает о нас, только когда мы начнем действовать. Не бойтесь прослыть самозванцами — главное начать дело»[74]. Как видно из сказанного, для Смоляра опасения Казинца не имели решающего значения — он искал контакты с подпольем в «русском» районе города независимо от формы его организации.

Два дня спустя после их встречи Смоляр через Женьку получил приглашение на собрание городских подпольщиков. На эту встречу, однако, они решили послать Михаила Гебелева — как бывший партийный работник Минска довоенной поры (инструктор Сталинского райкома партии[75]), он мог встретить там знакомых партийцев. Кроме того, по выражению Смоляра, он имел «арийскую внешность»[76], жил за пределами гетто по паспорту на русскую фамилию Русинов и ему было легче пройти через город — как это было показано выше, совещание проводилось в доме у родителей Георгия Семенова на дальней от гетто юго-восточной окраине Минска (ул. Луговая, 5).

В своем отчёте Смоляр не называл ни состава комитета, образованного на этом собрании, ни имени его руководителя[77], а в изданной в 1947 году его книге «Мстители гетто» Исай Казинец упомянут лишь как представитель общегородского комитета[78]. Случайное ли это было упущение или вынужденная недосказанность — попробуем разобраться ниже.

***

---

[70] Г. Смоляр Минское подполье. (Партийная организация КП (б) Б в Минском гетто). Июль 1941 — август 1942 г. НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 656, Л. 396.

[71] Смоляр Г. Мстители гетто / Г. Смоляр. ОГИЗ, 1947, с. 44. В отчете Смоляр датирует встречу последними числами декабря, что вряд ли могло соответствовать действительности, так как к тому времени в городе уже был создан подпольный комитет.

[72] Г. Смоляр. Минское подполье (партийная организация КП (б) Б в Минском гетто). НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 656, Л. 397

[73] Смоляр Г. Менскае гета: Барацьба савецкіх габрэяў-партызанаў супраць нацыстаў — Мінск, 2002 — с. 42

[74] Г. Смоляр. Минское подполье (партийная организация КП (б) Б в Минском гетто) … НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 656, Л. 397 — Л. 398

[75] Справка А. П. Купреевой… НАРБ. Ф. 1440, оп. 3, Д. 1197, Л. 9, Л. 13

[76] Смоляр Г. Менскае гета: Барацьба савецкіх габрэяў-партызанаў супраць нацыстаў — Мінск, 2002 — с. 49

[77] Г. Смоляр. Минское подполье (партийная организация КП (б) Б в Минском гетто). НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 656, Л. 398

[78] Смоляр Г. Мстители гетто, с. 32.

Процесс формирования общегородского подполья в Минске носил более сложный характер, чем это следует из версий Григорьева, Давыдовой и Смоляра.

Помимо упомянутых групп, инициировавших создание подпольного комитета (нефтяники, Комаровская группа, гетто), осенью и зимой 1941 года в городе возникли и другие очаги сопротивления. Они действовали самостоятельно и, в большинстве своем, даже не подозревали о создании и существовании единого руководящего центра.

Группа Ольги Щербацевич, например, спасавшая раненых командиров Красной армии, была разгромлена, а её участники казнены ещё до оформления горкома[79]. Другая группа, под руководством Александра Маркевича, не имея никаких сведений о комитете, объявила себя «подпольным партийным комитетом города Минска и окружающих деревень» и от его имени с января 1942 года печатала на гектографе[80] газету «Патриот Родины». Лишь в августе 1942 года при посредничестве Вячеслава Никифорова произошло её поглощение подпольным горкомом[81]. Существовали очаги сопротивления, которые, не имея контактов с партийным подпольем, вплоть до освобождения Минска работали автономно и были люди, проявившие себя лишь однажды, а затем отошедшие от дел, — например, горожане, давшие приют и помогавшие советским разведгруппам, действовавшим в городе в 1942 году[82]

Даже те ячейки, что послужили основой для создания подпольного комитета, далеко не всегда воспринимали его в качестве полноценного руководящего органа. В частности, один из руководителей подполья в железнодорожном депо Фёдор Кузнецов отмечал, что они не видели в комитете лидера и «…никакого авторитетного руководства в г. Минске… не получали»[83].

Объективная потребность в объединении действовавших разрозненно подпольных групп, безусловно, имелась — она проявлялась как снизу (небольшие группы и отдельные подпольщики искали связи), так и сверху (стихийно возникшие организации претендовали на главенство в процессе объединения). Осенью 1941 года на этой основе в Минске возникли три первоначально независимые силы: Военный совет партизанского движения (ВСПД, объединявший несколько десятков окруженцев и бежавших из лагерей военнопленных), городское подполье (включало несколько групп, часто под руководством коммунистов низового звена довоенной поры) и подпольная организация в гетто. Слияние в рамках общегородской организации неизбежно влекло за собой ограничение самостоятельности каждой из них. Довольно серьезные разногласия между руководителями этих сил проявились уже вскоре после их объединения. Претендуя на лидерство, военные, подобно фронтовым (армейским) командирам, видели в членах горкома второстепенных помощников, за которыми они полагали оставить вопросы агитации и пропаганды. Боевые действия, создание партизанских отрядов, вывод в них горожан, сбор оружия военные считали исключительно своей прерогативой.

В подполье видели это противоречие. В ноябре (или, возможно, в декабре) 1941 года Смоляр писал по этому поводу Казинцу: во взаимоотношениях с Военным советом «комитет… становится лишним или же будет заниматься второразрядными вопросами, и тогда он станет „приложением“ к Военному совету». Казинец разделял эти опасения. Однако, по свидетельству Смоляра, горком «уже был бессильным в отношении „военных“, которые перестали прислушиваться к решениям комитета»[84].

---

[79] Подробнее о группе Щербацевич см. в очерке «Взгляд с другой стороны. Борис Рудзянко»

[80] Гектограф представлял собой заполненную глицерином емкость с добавлением столярного клея. Написанный чернилами текст прикладывали к емкости, через несколько минут на глицерине появлялся оттиск, что позволяло сделать до ста копий текста, но только первые 30 — 50 были отчетливы.

[81] Докладная т. Маркевича Секретарю горкома КП (б) Б тов. Бельскому. НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 666, Л. 2, Л. 6 — Л. 7

[82] Подробнее см. в очерках «Капитан Гвоздев» и «Капитан Вишневский»

[83] Собственноручные показания гр. Кузнецова Федора Спиридоновича. 23 ноября 1956 г., гор. Минск. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 275

[84] .Г. Смоляр. Минское подполье. (Партийная организация КП (б) Б в Минском гетто). Июль 1941 — август 1942 г. НАРБ,

Для разрешения указанного противоречия, вероятно, было предпринято несколько попыток. Последовавшие попытки исправить ситуацию, однако, не были результативными. Сначала Иван Рогов был введен в состав горкома, а Ковалев — в состав руководства ВСПД. Проведенный кадровый маневр явно свидетельствовал о попытке установления контроля за деятельностью военных (Ковалев), но, одновременно, сохранял за Военным советом особый статус в отношениях с городским партийным комитетом, позволяя тому влиять на его решения (Рогов).

Короткое время спустя была предпринята попытка формирования коллегиального органа руководства подпольем — оперативной «тройки». Первым о её создании упомянул Алексей Котиков. В отчетах 1942 года и в протоколах декабрьских допросов в НКВД он упоминал, что в декабре 1941 года из состава подпольного комитета была выделена группа в составе Казинца, Ковалева и Рогова[85]. Позже, уже в 1982 году, в заявлении на имя первого секретаря ЦК КПБ Тихона Киселева он наделял этот орган полномочиями бюро горкома. Из новой его интерпретации следовало, что на «тройку» возлагалось оперативное руководство подпольем между заседаниями парткома, перед которым она была обязана отчитываться; председателем этого органа он называл Ковалева[86].

Создание «тройки», однако, не ликвидировало проявившиеся противоречия. Главенствующая роль горкома в процессе становления подполья вовсе не была бесспорной. Руководство ВСПД изначально считало свою организацию лидером сопротивления и на первых порах пыталось возглавить движение. Геттовское же подполье в силу своей изолированности на руководящие позиции в общегородском подполье не претендовало и рассматривало горком и Военный совет главным образом с точки зрения их возможностей в спасении узников этого лагеря.

Точное время создания горкома до сих пор не установлено. Выжившие участники этого процесса (Константин Григорьев и Алексей Котиков) датируют это событие концом ноября, а наблюдавший за происходящим из гетто Гирш Смоляр — декабрем. Немецкие документы растягивают процесс объединения подполья до начала 1942 года, а завершающий этап отодвигают на март[87].

По нашему мнению, создание общегородского центра представляло собой длительный процесс, а не разовое событие, поэтому его организационное оформление и начало реального функционирования не следует связывать с конкретной датой. Формирование горкома растянулось во времени и точно не завершилось в ноябре 1941 года. Ход дальнейших событий показывает, что рубеж 1941—1942 годов и даже март 1942-го следует рассматривать лишь как этапы становления, а не варианты датировки его создания.

Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 656, Л. 401

[85] Отчет Котикова (и др.) «О работе Минского Подпольного комитета со дня его организации», НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д 185, Л. 326; Допрос 25 декабря 1942 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 135

[86] Заявление А. Л. Котикова Первому секретарю ЦК КПБ тов. Киселеву Т. Я. 10 марта 1982 г. НАРБ, Ф. 1346, Оп. 1. Д. 207, Л. 110

[87] .Сообщение полиции безопасности и СД из оккупированной территории СССР №2 от 8 мая 1942 года.. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 96, Л. 120

Сопротивление

Серьезно проявить себя на первых порах не смогли ни городское сопротивление, ни организация военных, ни коммунисты гетто. Завершив (увязнув — см. выше) довольно длительный этап организационного становления, к началу 1942 года подполье лишь приступало к акциям противодействия оккупационным властям. Как отмечала Вера Давыдова, отсутствие связи с Москвой и, как следствие, нехватка материальных ресурсов ограничивали его деятельность пропагандой, распространением листовок и спасением военнопленных. Переход к активным действиям также сдерживался существовавшей системой заложничества, которая била по непричастным к сопротивлению мирным жителям[88].

1 июля 1941 года военно-полевой комендант Минска издал приказ о сдаче населением оружия, боеприпасов и радиоприёмников[89]. Подобные меры оккупанты принимали и в других захваченных странах Европы, а ограничения на прослушивание эфира существовали даже в самой Германии. В белорусской столице этот шаг привёл к неожиданному результату: он способствовал формированию городского сопротивления. В Национальном архиве Республики Беларусь хранится ряд документов, подтверждающих, что часть горожан проигнорировала распоряжение комендатуры, нарушив по меньшей мере требование о сдаче радиоприемников. Одни прятали их как ценное имущество, другие — тайно слушали и записывали передачи Московского радио. Сегодня установлено несколько адресов, по которым для ознакомления со сводками собирались целые группы, состоявшие в основном из родственников и друзей. Известны также случаи, когда на этой основе стихийно возникали подпольные ячейки, которые не только принимали информацию, но и начинали её распространять.

Вот как об этом рассказывал Василий Иванович Сайчик. Случайно оставшись в Минске после неудачной эвакуации, он сблизился с несколькими проживавшими на Комаровке мужчинами (отец и сын Омельянюки, их сосед Степан Заяц и двое знакомых по довоенной работе — Иван Тимчук и Арсений Калиновский). В первые дни оккупации, когда город охватила паника, им сложно было поддерживать людей даже из своего окружения: те ждали Красную Армию, в то время как немцы уже подходили к Смоленску[90]. В этих условиях, по словам Сайчика, «не всегда можно было сказать правду людям», но знать её самим было необходимо. Информацию добывали так: «Один военный из деревни Столовой имел радиоприемник, и мы ходили туда слушать сводки Совинформбюро»[91]. Под неназванным военным он явно подразумевал члена инициативной группы Георгия Семенова: улица Луговая, на которой тот проживал, находилась всего в нескольких десятках метров от пригородной деревни Столовой.

Один из организаторов сопротивления в гетто Гирш Смоляр отмечал, что среди узников этого лагеря циркулировали ложные слухи о близком освобождении. Хотя такие новости помогали держаться, реально они несли угрозу: подобного рода иллюзии усыпляли бдительность и грозили гибелью. Поэтому организаторы создававшегося там сопротивления выдвинули лозунг «евреи должны знать правду»[92]. Одной из первых в этом отношении проявила себя группа подростков. Несколько пятнадцатилетних парней раздобыли дефицитные анодные

[88] Давыдова В. С. Подпольная партийная организация Минска… НАРБ, Ф. 1440. Оп. 8. Д. 24, Л. 110 — Л. 111

[89] .Беседа с партизаном 3-го отряда бригады Никитина т. Бромбергом Рафаэлем Моносовичем… НАРБ, Ф. 1450, Оп. 11а, Д. 9, Л. 1

[90] Беседа Кравченко с Сайчиком. НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д 659, Л. 73 — Л. 74

[91] Выступление Сайчика В. И. 7.08.1958 г. На заседании комиссии ЦК КПБ по Минскому партийному подполью НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 75, Л. 292

[92] Смоляр Г. Менскае гета: Барацьба савецкіх габрэяў-партызанаў супраць нацыстаў… стар. 32 — 33

батареи «БАС» и, приспособив сохраненный втайне радиоприемник для работы на постоянном токе, слушали и распространяли среди взрослых сводки Совинформбюро[93].

Знание реального положения дел помогало выжить. Распространение информации в тех условиях считали приоритетным практически все участники сопротивления. На допросе в 1945 году Константин Григорьев в этой связи заявлял: «Работа подпольного партийного комитета сводилась в основном к учету оставшихся в Минске членов партии и к проведению антифашистской агитации и пропаганды»[94].

Немцы также признавали роль пропаганды в становлении городского подполья. В составленном 6 мая 1942 года службой безопасности СД для Берлина отчете довольно подробно излагался процесс создания раскрытой в марте 1942 года общегородской подпольной организации, при этом пропаганда и агитация в этом документе рассматривались в качестве той основы, на которой родилось и развивалось подполье.

«Казинец слушал сообщения у не пойманного еще «Жоржа» (Георгия). «Жорж» имел в своей квартире 2 приемника, один из которых был устаревший, построенный им самим. Второй аппарат был приемник типа «Лионир» фирмы «Телефункен», построенный в Минске. Приобрести аппараты взялся работающий на фирме «Телефункен» инженер (бывший офицер). Последний, с тремя также арестованными сообщниками, вынес приемник с завода по частям, а у «Жоржа» собрал его.

Казинец передавал сообщения дальше в комитет через также арестованного связника»[95].

Упомянутого в процитированном документе Жоржа (Георгия) также, на первый взгляд, можно было бы отождествить с Георгием Семёновым, на квартире которого подпольщики (Комаровская группа, Сайчик) слушали радио. Однако Жорж из немецкого отчета значился ещё не пойманным, тогда как из других архивных источников известно, что Георгий Семёнов был арестован в марте[96]

[93] .Воспоминания Марка Юрьевича Тайца… НАРБ, Ф. 1440, оп. 3, Д. 837, Л. 98

[94] Протокол допроса обвиняемого Григорьева Константина Денисовича от 23 октября 1945 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 63

[95] Сообщения из занятых восточных областей. 6 мая 1942 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 105, Л. 118

[96] Материалы по уточнению биографии члена Минского городского подпольного комитета Семенова Г. М. Архивная справка. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 130, Л. 8

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.